

Особенности употребления субъектных местоимений в ингерманландском финском языке

Е. В. Буденная

Национальный университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия);
Институт языкознания РАН (Москва, Россия); jane.sdrv@gmail.com; ORCID:
0000-0002-1502-2750

Аннотация. В статье анализируются особенности употребления субъектных местоимений в ингерманландском финском языке на материале устных нарративов и художественных текстов. Согласно полученным данным, ингерманландский финский язык в большинстве случаев использует модель с эксплицитно выраженным субъектным местоимением. Однако в устных нарративах носители обычно эксплицируют местоимения 1-го и 2-го лица (возможно, в связи с использованием более длинных предикаций, а также за счет общей прагматики ситуации), которые в художественной прозе преимущественно опускаются.

Ключевые слова: ингерманландский финский язык, личное местоимение, субъектное местоимение, субъектная референция, восточно-гатчинский диалект, западно-гатчинский диалект.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-29-09097 «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России». Автор сердечно благодарит М. З. Муслимова за помощь и советы при подготовке и сборе материала, информантов — носителей языка за помощь и участие в исследовании, а также анонимных рецензентов за ценные замечания.

Subject pronouns in Ingrian Finnish

Evgeniya V. Budennaya

HSE University (Moscow, Russia); Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); jane.sdrv@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-1502-2750

Abstract. The article addresses the issue of use/omission of subject pronouns in Ingrian Finnish. The data comes from prose fiction by V. Valjakka and P. Mutanen, previously not used for any linguistic analysis, and from oral narratives recorded under the supervision of Irma Mullonen. Both fiction and oral narratives come from two different dialectal areas of Ingrian Finnish, the East and the West of the Gatchina District, respectively. The study relied on corpus analysis whereby fiction and oral narrative texts were compared to each other and to the dialects they come from.

The study revealed the following characteristic features of the Ingrian Finnish subject reference. First, subject pronouns in Ingrian Finnish tend to be explicitly expressed in all persons, which distinguishes it from Standard Finnish where the 1st and 2nd person subject pronouns are usually omitted. At the same time, the Ingrian Finnish pattern differs from Russian, where pronouns are omitted much less frequently. Some pronominal features of Ingrian Finnish, such as the omission of the 3rd person pronouns in independent foreground narrative clauses may result from contacts with Russian. Second, a set of Ingrian Finnish verbs of speech and thinking are mostly used without an additional subject pronoun, which distinguishes the Ingrian Finnish situation from Russian, where the pronoun is usually expressed in such contexts. Third, while in past clauses of Ingrian Finnish oral narratives the 1st and 2nd person subject pronouns are usually expressed, in fiction prose they tend to be omitted. This difference can be explained both by the general pragmatics of the recording (pronouns were used as a marker of politeness, necessary for correct interaction between the speaker and the listener) and by its design (unlike in fiction examples, language consultants used longer clauses to provide more detail).

Keywords: Ingrian Finnish, subject pronoun, personal pronoun, pronoun omission, East Gatchina dialect, West Gatchina dialect.

Acknowledgements. The study is supported by the RFBR grant № 17-29-09097 “Typology of mechanisms of interaction of the Russian language with the languages of the small peoples of Russia”. The author cordially thanks M. Z. Muslimov for his help and advice in preparing and collecting the material, as well as language consultants for their help and participation in the study, and the anonymous reviewers for their valuable comments.

1. Введение

В ходе полевых исследований 2019 г. было обнаружено, что ингерманландский финский язык — один из трех исчезающих¹ прибалтийско-финских языков России, наряду с ижорским и водским [Kusnetsova et al. 2015], — имеет схожую с русским языком стратегию маркирования референтного прономинального подлежащего. В частности, при предъявлении анкеты из 30 пар предложений, отличающихся наличием / отсутствием субъектного местоимения, 15 из 15 опрошенных носителей указали в качестве немаркированной местоименную модель. Однако для 1-го и 2-го лица модель с опущением местоимения также указывалась всеми носителями как грамматичная, хотя и более маркированная:

- (1) *Miä* / \emptyset_{pro} ² *huasta-n* *inkeri-a*
 1SG говорить.PRS-1SG ингерманландский-PART
 ‘Я говорю по-ингерманландски’.
- (2) *Uamusil* *miä* / \emptyset_{pro} *lämmit-i-n* *kiukaa-ta*
 утром 1SG топить-PST-1SG печь-PART
 ‘Утром я топила печь’.

В третьем лице опущение местоимения по умолчанию единогласно признавалось неграмматичным:

- (3) *Hiä* / $*\emptyset_{pro}$ *on* *opettaja*
 3SG быть.PRS.3SG учитель
 ‘Он учитель’.

¹ Менее 1000 носителей (2021 г., оценка М. З. Муслимова), средний возраст превышает 50 лет, на сегодняшний день все носители билингвальны и в качестве основного языка общения используют русский язык; социолингвистическую ситуацию в целом можно характеризовать как языковой сдвиг.

² Здесь и далее этим символом обозначается отсутствие формально выраженного референтного подлежащего.

Также неграмматичным признавалось опущение бытийной связки при именном предикате и вспомогательного глагола при перфекте. Однако в отличие от опущения местоимений, которое оценивалось как неграмматичное только в 3-м лице, опущение вспомогательных глаголов и бытийных связок признавалось неграмматичным во всех лицах:

- (4) *Miä ole-n / *Ø_{cop}³ tohtori*
 1SG быть.PRS-1SG врач
 ‘Я врач’.
- (5) *Huö ovat / *Ø_{cop} sorj-ii*
 3PL быть.PRS.3PL красивый-PART.PL
 ‘Они красивые’.
- (6) *Miä ole-n / *Ø_{cop} käy-nt Viro-s*
 1SG быть.PRS.1SG ездить-PST.PTCP Эстония-IN
 ‘Я ездил в Эстонию’.
- (7) *Hiä on / *Ø_{cop} käy-nt Viro-s*
 3SG быть.PRS.3SG ездить-PST.PTCP Эстония-IN
 ‘Он ездил в Эстонию’.

Подобная модель маркирования референтного прономинального подлежащего, на первый взгляд, схожа с современной русской, где опущение подлежащего в 1-м и 2-м лицах также возможно, однако имеет и различия — в частности, в русском языке в именных клаузах и претерите вспомогательный глагол с личными окончаниями исторически был утрачен. Также она отличается и от литературного финского языка, где в 1-м и 2-м лицах опущение субъектных местоимений, наоборот, является моделью по умолчанию [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2005, 2016]. В этой связи изучение маркирования прономинального подлежащего в ингерманландском финском языке,

³ Здесь и далее этим символом обозначается отсутствие формально выраженного вспомогательного глагола при перфекте или глагольной связки при именном предикате.

внешне отличающегося как от русского, так и от литературного финского, представляет большой интерес. Учитывая, что двойная модель маркирования субъектной референции с помощью личных местоимений и аффиксов в языках мира в целом крайне редка [Siewierska 2004: 268; Kibrik 2011: Ch. 5; Dryer 2013], а для большинства других финно-угорских языков характерна дефолтная модель с опущением местоимения (см. обзор на примере конкретных языков в [Kibrik 2013: 240; Буденная 2019: 37]), данные ингерманландского финского языка существенно дополняют общую типологическую картину.

Статья построена следующим образом. В *Разделе 2* будут более подробно представлены отличия ингерманландского финского от литературного и разговорного финского, а также отчасти русского языка. *Раздел 3* будет посвящен анализируемым источникам и методике сбора данных. В *Разделе 4* будут рассмотрены результаты исследования.

2. Основные отличия ингерманландской финской модели от литературного и разговорного финского языка

2.1. Финский язык (Финляндия)

В современном финском языке Финляндии выделяются два основных регистра — литературный и разговорный. Система субъектных местоимений и их употребление в этих регистрах отличаются — как друг от друга, так и от ингерманландского финского.

В литературном финском языке употребление местоимений 1-го и 2-го лица традиционно считается факультативным, в силу «дублирующих» личных глагольных аффиксов:

- (8) *(Minä) ole-n vielä kaukana*
 (1SG) быть.PRS-1SG еще далеко
 ‘Я еще далеко’.

- (9) (Me) *ole-mme valmii-t lähte-mä-än*
 (1PL) быть.PRS-1PL готовый-PL идти-3INF-ILL
 ‘Мы готовы идти’.
- (10) *Ehd-i-tte-kö (te) ajoissa*
 приехать-PST-2PL-Q (2PL) время.IN.PL
 ‘Вы вовремя приехали?’ [ISK 2004: §1267].

Однако различные исследования по литературному финскому языку отражают явное преобладание модели с опущением местоимений 1-го и 2-го лица, тогда как в 3-м лице аналогичное опущение, за исключением кореферентных придаточных предложений и ответных реплик, считается неграмматичным [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016]. Так, по данным корпуса писем [Heinonen 1995], в литературном финском языке местоимения 1-го и 2-го лица опускаются в 91 % случаев — что, очевидно, не совпадает с ингерманландским финским, где немаркированной моделью единогласно признавалась модель с выраженным местоимением. Немаркированная глагольная парадигма литературного финского языка представлена в *Таблице 1*.

Таблица 1. Литературный финский язык, спряжение глагола *laulaa* ‘петь’ в единственном числе

Table 1. The conjugation of the verb *laulaa* ‘to sing’ (singular forms) in Standard Finnish

1SG	\emptyset_{pro} <i>laula-n</i>	‘Я пою’
2SG	\emptyset_{pro} <i>laula-t</i>	‘Ты поешь’
3SG	<i>Hän</i> / $*\emptyset_{pro}$ <i>laula-a</i>	‘Он / она поет’

В разговорном же финском местоименная модель доминирует во всех лицах [Vainikka, Levy 1999; Lappalainen 2004; Holmberg 2016]. Согласно корпусным данным [Heinonen 1995; Duvallon, Chalvin 2004], эллипсис местоимений в разговорном финском языке крайне маркирован, и характерен преимущественно для вопросно-ответных контекстов, автоисправлений и контекстов с с-командующим антецедентом (11)–(12). В 85 % остальных случаев в разговорном финском

языке представлена двойная модель маркирования референтного субъекта, сочетающая в себе эксплицитно выраженные личные местоимения и глагольные аффиксы.

- (11) a. *saa-n-ks mä soitta-a su-lle kohta uudestaan*
 мочь-1SG-Q 1SG звонить-1INF ты-ALL раз еще
 ‘Могу ли я тебе перезвонить?’

- b. *saa-t*
 мочь-2SG
 ‘Можешь’ [Duvallon, Chalvin 2004: 273].

- (12) *Leila ei sano-nut minne Ø_{pro}*
 Лейла NEG.3SG говорить-PST.PTCP куда
ol-i meno-ssa.
 быть-PST.3SG дорога-IN.SG
 ‘Лейла не говорила, куда она ходила’.

Помимо дистрибуции местоименно-аффиксальной и аффиксальной моделей, литературный и разговорный финский различаются собственно системой местоимений и некоторыми глагольными флексиями. Так, в разговорном финском языке местоимения 1-го и 2-го лица развили сокращенные формы (ср., в частности, примеры (8) и (12)), а неодушевленные местоимения 3-го лица периодически употребляются и в отношении одушевленных субъектов [Heinonen 1995; Vainikka, Levy 1999; ISK 2004: §716], см. *Таблицу 2* (с. 143). Соотношение полных и кратких форм местоимений в разных регистрах и диалектах финского языка на данный момент до конца не исследовано.

Наряду с развитием кратких местоименных форм, в разговорном финском языке наблюдается синкретизм презентной глагольной флексии 3-го лица в единственном и множественном числе, а также вытеснение литературных форм презенса первого лица множественного числа формами имперсонала [Vainikka, Levy 1999; Helasvuo 2006]. Последние, в свою очередь, расширили спектр возможных значений и на сегодняшний день, помимо исконного пассивного значения, в разговорном финском языке выступают в качестве заменителей литературных форм на *-mme*, см. *Таблицу 3* (с. 143).

Таблица 2. Система личных субъектных местоимений
в литературном и разговорном финском языке

Table 2. The system of personal subject pronouns
in Standard and Colloquial Finnish

	Литературный финский	Разговорный финский
1SG	<i>minä</i>	<i>mä</i>
2SG	<i>sinä</i>	<i>sä</i>
3SG, 3PL (для одушевленных)	<i>hän, he</i>	<i>hän/se, he/ne</i>
3SG, 3PL (для неодушевленных)	<i>se, ne</i>	<i>se, ne</i>

Таблица 3. Спряжение глагола *laulaa* ‘петь’ в литературном и разговорном
финском языке

Table 3. The conjugation of the verb *laulaa* ‘to sing’ in Standard and Colloquial Finnish

	SG	PL (литературный / разговорный)
1	<i>laula-n</i>	<i>laule-mme / laule-taan</i>
2	<i>laula-t</i>	<i>laule-tte</i>
3	<i>laula-a</i>	<i>laula-vat / laula-a</i>

Некоторые исследователи непосредственно связывают разницу в дистрибуции местоименных моделей с субъектом 1-го и 2-го лица в литературном и разговорном финском с глагольной парадигмой. В частности, А. Вайникка и Й. Леви [Vainikka, Levy 1999: 639] указывают на фонологическое сходство соответствующих местоимений с глагольными аффиксами, которые восходят к ним исторически⁴. Сочетание местоимений 1-го и 2-го лица с фонологически схожими аффиксами, осуществляющими аналогичную референциальную функцию,

⁴ Для множественного числа данное сходство очевидно (1PL *-mme* < *me*; 2PL *-tte* < *te*), для единственного числа оно реконструируется диахронически (1SG *-n* < **-m* < *minä*, 2SG *-t* < **tinä* (архаичная форма современного

усиливает восприятие подобной модели как избыточной и способствует опущению местоимений, тогда как отсутствие подобного сходства в 3-м лице — равно как и вытеснение в разговорном финском литературной формы на *-mme* формой *-taan*⁵, никак к местоимению не восходящей и омонимичной имперсоналу в своем прямом значении, вызывает необходимость в дополнительном употреблении местоимения [Vainikka, Levy 1999: 663]. Данная закономерность, впрочем, не является абсолютной, и ряд работ указывает на комплекс дополнительных синтаксических и дискурсивных факторов, непосредственно влияющих на референциальный выбор в финском языке [Duvallon, Chalvin 2004; Holmberg 2005, 2016]. Однако имеющиеся данные литературного и разговорного финского языка Финляндии однозначно позволяют констатировать различия с ингерманландским финским, где модель с опущением местоимения хоть и не является выбором по умолчанию, однако, учитывая признаваемую всеми носителями допустимость контекстов (1)–(7) с эллипсисом местоимений 1-го и 2-го лица, очевидно не является маркированной в той же степени, как это имеет место в разговорном финском языке. Более подробно эти и другие особенности ингерманландского финского языка будут описаны ниже.

2.2. Ингерманландский финский язык (Россия, совр. Ленинградская область)

В ингерманландском финском языке (север, юг и запад современной Ленинградской области) наблюдаются следующие отличительные особенности:

местоимения *sinä*) и в определенный хронологический период несомненно осознавалось как таковое [Nakulinen 1979: 87].

⁵ Следует отметить, что имперсональные формы на *-taan* все же не всегда взаимозаменяемы с формами на *-mme* — в частности, в контексте настоящего абстрактного употребление форм на *-taan* затруднено (*laulamme / ?lauletaan aina tämän laulun* ‘Мы всегда поем эту песню’). Мы оставляем изучение дистрибуции форм на *-mme* и на *-taan* в финском языке за рамками данной работы.

- Нет бинарной системы местоимений, включающей в себя полные и краткие формы. И в письменных источниках (преимущественно рассказы), и в разговорной ингерманландской речи система местоимений содержит только одну возможную форму для каждого лица и числа (с поправкой на фонетическое диалектное варьирование). В фонетическом плане формы ингерманландских субъектных местоимений 1-го и 2-го лица занимают своего рода промежуточное положение между литературным и разговорным финским, см. *Таблицу 4*.

Таблица 4. Местоимения 1-го и 2-го лица в ингерманландском финском в сопоставлении с литературным и разговорным финским

Table 4. 1st and 2nd person pronouns in Ingrian Finnish compared to Standard and Colloquial Finnish

	Литературный финский	Разговорный финский	Ингерманландский финский (в зависимости от говора)
1	<i>minä</i>	<i>mä</i>	<i>mie / miä</i>
2	<i>sinä</i>	<i>sä</i>	<i>sie / siä</i>

- Как и в литературном финском языке, в ингерманландском финском не наблюдается синкретизма в 3-м лице; имперсональные формы на *-taan* употребляются вместо финитных форм 1PL только в некоторых диалектах северной Ингерманландии [Муслимов 2009: 193–194].
- По данным предварительного опроса носителей (выбор модели по умолчанию), субъектные местоимения 1-го и 2-го лица опускаются чаще, чем в разговорном, но реже, чем в литературном финском.

Эти особенности сближают ингерманландский финский язык с современным русским языком, где, в отличие от литературного финского, модель с употреблением местоимения также по умолчанию является основной во всех лицах [Grenoble 2001; Seo 2001; Zdorenko 2010]. Однако в русском языке в отличие от ингерманландского финского не сохранилось дифференцированной личной

флексии в претерите — что, в свою очередь, могло способствовать большему доминированию местоименной модели в соответствующих контекстах, с целью избежания омонимии [Kibrik 2013]:

Таблица 5. Ингерманландский финский язык, спряжение глагола *laulaa* ‘петь’ в претерите (единственное число), в сопоставлении с русским

Table 5. The conjugation of the verb *laulaa* ‘to sing’ in Ingrian past forms (singular), compared to Russian

	Ингерманландский финский	Русский
1SG	<i>mïä laulo-i-n</i>	‘Я пел’
2SG	<i>siä laulo-i-t</i>	‘Ты пел’
3SG	<i>hiä laulo-i, laulo</i>	‘Он(а) пел(а)’

Можно предполагать, что современная ингерманландская модель была сформирована под влиянием контактов с русским языком, существенно усилившихся в XX в. [Kuznetsova et al. 2015]. Для выяснения более детальных сходств и различий ингерманландской финской системы с русской было осуществлено корпусное исследование.

3. Данные и методика

3.1. Тексты

Прямой метод элицитации высказываний (перевод с русского) был отвергнут для детального исследования ингерманландской финской модели, поскольку непосредственно употребленная русская модель (с местоимением или без) могла очевидным образом влиять на ингерманландский перевод. После общего предварительного опроса носителей на предмет большей и меньшей маркированности различных прономинальных моделей было принято решение обратиться к корпусу текстов.

На сегодняшний день существуют две основные группы ингерманландских источников — художественные произведения (в основном

небольшие рассказы, написанные и опубликованные в середине XX века в различных тематических сборниках и журналах) и устные нарративы, содержащие записи различных ингерманландских говоров. Для комплексного исследования референции было решено использовать оба типа текстов. Из художественной прозы были выбраны рассказы двух ингерманландских авторов, Виктора Вальякки и Пекки Мутанена, опубликованные в Карелии в 1980-е гг. в составе тематических сборников “*Lehdenlähtö*” ‘Листопад’ и “*Läpi tuskien käy elontie*” ‘Трудные судьбы’, соответственно. В этих сборниках ингерманландские рассказы даны в конце в составе отдельного тематического раздела с диалектными текстами.

Материалы В. Вальякки и П. Мутанена отражают две основные группы ингерманландских диалектов — восточно- и западно-гачинский диалекты⁶, согласно классификации [Муслимов 2009: 196]. На данный момент описан ряд лексических, фонетических и морфологических изоглосс, различающих их между собой [Virtaranta 1953; Галахова 1977, 1990; Коппалева 1998, 2007; Муслимов 2009], однако дискурсивные особенности в них отдельно не изучались. Художественные тексты на ингерманландском языке также не привлекались ранее к научным исследованиям.

Помимо художественной литературы, к текстам были приобщены устные нарративы тех же говоров, записанные учеными Петрозаводского университета [Mullonen 2004]. В итоговую выборку вошли нарративы, отражающие говоры приходов Лииссиля (фин. Liissilä) и Венъёки (фин. Venjoki), отражающие восточно-гачинский диалект, и говоры приходов Губаницы (фин. Kuranitsa) и Шпаньково (фин. Spankkova), относящиеся к западно-гачинскому диалекту⁷, см. *Рис. 1*.

⁶ Данные диалекты вместе составляют т. н. Центральную Ингерманландию (фин. Keski-Inkeri), фигурирующую в ряде других работ по прибалтийско-финским языкам, наряду с Северной (фин. Pohjois-Inkeri), Восточной (фин. Itä-Inkeri) и Западной Ингерманландией (фин. Länsi-Inkeri) [Mustonen 1931; SKVR; Муслимов 2009]

⁷ Более детально о границах ингерманландских диалектов и взаимосвязи с говорами приходов см. [Муслимов 2009: 196–203]

Для перевода собственно ингерманландской лексики в текстах также активно использовался словарь [Оллыкайнен (сост.) 2003].

Рис. 1. Ингерманландские приходы 1930-х гг., приблизительно очерчивающие соответствующие группы говоров [Mustonen 1931], источник карты Jniemenmaa/Wikimedia Commons

Fig. 1. Ingrian Finnish parishes of the 1930s, roughly delineating the respective groups of dialects [Mustonen 1031], source: Jniemenmaa/Wikimedia Commons

3.2. Отбор данных

При отборе рассказов и устных нарративов для анализа учитывалось наличие релевантных финитных прономинальных моделей. Так, среди устных нарративов выбирались монологические тексты и тексты, содержащие крупные монологические куски, с целью избежания интерференции модели, употребленной в наводящих вопросах исследователя.

В итоговую выборку вошли следующие тексты:

1. Восточно-гатчинский диалект

1.1. Художественная проза: В. Вальякка, 6 рассказов из сборника “Lehdenlähto”:

- *Miten Simo hampaat hävitti* ‘Как Симо сломал зубы’
- *A hiä vua motkottaa...* ‘А он только жалуется...’
- *Ko virka män piähä* ‘Когда кончается работа’
- *Hampaankolotus* ‘Зубная боль’
- *Sie vie, a mie vikisen* ‘Тебе все, а мне ничего’
- *Luoja kiitos...* ‘Слава Создателю...’

1.2. Нарративы из материалов [Mullonen 2004]: записи Катри Кирппу (*Meil ol’ tantsutupa* ‘У меня был дом танцев’) и Рудольфа Вирккунена (*Elimmä kolhoosas* ‘Мы жили в колхозе’, *Puol’ vuosattaa Karjalas* ‘Полвека в Карелии’) из Лииссиля, а также Катри Тухканен (*Miten valittii minjoi* ‘Как выбирали невесток’, *Tuvam pesu* ‘Мытье дома’, *Meil poltettii kokkoo* ‘У нас жгли костер на Иванову ночь’, *Lapsii lövvettii saunan lautasiin alt* ‘Детей доставали из-под банного дощатого пола’) из Веньёки.

2. Западно-гатчинский диалект

2.1. Художественная проза: П. Мутанен, 7 рассказов из сборника “Läpi tuskien käy elontie”:

- *Ko alkuu piäsöö, ni männöö* ‘Как в начало попадет, так и пойдет’
- *Ketä isä rakastaa, sitä hiä myös kurittaa* ‘Кого отец любит, того он тоже наказывает’
- *Oma tua mantsikka, muu tua mustikka* ‘Наш край — земляника, другая страна — черника’
- *Pttatorkku tuvan nostaa, uamutorkku tuvan hävittää* ‘Вечерний сон укрепляет дом, утренний сон разрушает дом’
- *Huvä kello kauvaks kuuluu, paha viel kauvemmaks* ‘Хороший колокол слышен долго, плохой — еще дольше’
- *Kopekast ne ruplat kasvaat* ‘От копейки те рубли растут’
- *Ei nii pienii pitoloi, jot ei kahta kolmee kuokkavierasta* ‘Не так мал пир, чтобы на нем не оказалось двух-трех незваных гостей’

2.2. Нарративы из материалов [Mullonen 2004]: записи Мари Яковлевой (*Olin päiväläisen* ‘Я занималась поденной работой’), Кэтри Саволайнен (*Karpalos käyt’ii* ‘Ходили по клюкву’, *Mein ämmä parans ihmisiä* ‘Наша бабушка лечила людей’) из Шпанькова, Анны Меронен (*Haukkeet käivät* ‘Пристала порча’) и Мари Шпеллер (*Meil piettiin pellovasta* ‘У нас носили лен’) из Губаниц.

На этапе предварительной обработки текстов отфильтровывались клаузы с эмфатическим и контрастивным употреблением местоимения — в частности, в сочетании с фокусной энклитикой *-kii* (15), после присоединительных и контрастивных союзов (13)–(15), а также при последующем уточнении (16). Фильтрация этих случаев обуславливалась тем, что опущение местоимения в подобных контекстах в принципе невозможно, даже в тех языках, где употребление местоимений по умолчанию маркировано [Rizzi 1997: 272; Frascarelli 2007: 694].

- (13) *A sie latk-i-t si-tä vodka-a*
 а 2SG лакать-PST-2SG этот-PART водка-PART
 ‘А ты лакаешь эту водку’ [V. Valjakka, “A hiä vua motkottaa...”]

- (14) *Ja hiä alko huuta-a*
 и 3SG начать.PST.3SG кричать-1INF
 ‘И он закричал’ [V. Valjakka, “A hiä vua motkottaa...”].

- (15) *Siel isä ol’ renki-n talo-s ja mie-kii alo-i-n ja auttaa työ-s.*
 там отец быть.PST.3SG работник-GEN дом-IN и
 1SG-FOC начинать-PST-1SG тоже помогать работа-IN
 отец работал по хозяйству, и я тоже начал помогать [ему] в работе’ [R. Virkkunen, “Puol’ vuossattaa Karjalas”], цитируется по [Mullonen 2004: 165].

- (16) *Myö, lapse-t, nous-i-mmo yllää*
 1PL ребенок-PL подниматься-PST-1PL навверх
 ‘Мы, дети, поднимались навверх’ [P. Mutanen, “Iltatorkku tuvan nostaa, uamutorkku tuvan hävittää”].

Также отфильтровывались случаи сочинительного сокращения подлежащего при однородных членах предложения, представляющие собой типологически распространенный контекст для элиминации подлежащего во всех языках [Duvallon, Chalvin 2004: 275–276]. В частности, в примерах типа (17) для анализа бралась только первая клауза.

- (17) *Mie män-i-n häne-n luoks ja pyy-si-n*
 1SG идти-PST-1SG 3SG-GEN к и попросить-PST-1SG
piiri-i
 круг-ILL

‘Я подошел к ней и попросился в круг’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

Остальные релевантные финитные клаузы с выраженным и опущенным прономинальным субъектом были включены в исследуемую выборку и распределены по различным группам, в зависимости от следующих параметров:

- Лицо субъекта (1-е / 2-е vs 3-е)
- Наличие / отсутствие субъектного местоимения (+/- pronoun)
- Тип предиката (именной / глагольный)
- Время глагола⁸: презент vs претерит (PRS / PST).

Итоговый объем исследованного корпуса составил 524 вхождения.

4. Результаты

Сопоставительный анализ ингерманландских текстов выявил ряд особенностей, не описанных ранее. В этом разделе будут рассмотрены сначала общие, а затем более частные результаты по рассматриваемым модусам (письменный vs устный) и диалектам.

⁸ Данный параметр учитывался только для глагольных клауз. Для именных клауз подобное разбиение не применялось в силу малого количества данных.

Сводная таблица по дистрибуции различных моделей представлена ниже.

Таблица 6. Соотношение моделей с выраженным и опущенным референтным прономинальным субъектом в восточно- и западно-гатчинском диалектах ингерманландского финского языка

Table 6. Entries with expressed and elided referential pronominal subjects in East and West Gatchina dialects of Ingrian Finnish

	Восточно-гатчинский диалект		Западно-гатчинский диалект		Всего
	Худ. проза (Вальякка)	Устные нарративы	Худ. проза (Мутанен)	Устные нарративы	
1–2 PRS +pronoun	31	10	6	10	57
1–2 PRS –pronoun	19	4	8	3	34
3 PRS +pronoun	6	4	2	3	15
3 PRS –pronoun	3	0	1	0	4
1–2 PST +pronoun	28	27	41	29	125
1–2 PST –pronoun	65	18	67	3	153
3 PST +pronoun	18	13	17	19	67
3 PST –pronoun	1	4	6	3	14
1–2 NOM +pronoun	7	6	10	3	26
1–2 NOM –pronoun	1	2	9	2	14
3 NOM +pronoun	3	5	7	0	15
3 NOM –pronoun	0	0	0	0	0
Всего	182	93	176	75	524

Согласно совокупным данным исследованных нарративов, в ингерманландском финском языке местоимение употреблялось в 58 % случаев (305 вхождений из 524). В русском же языке модель с эксплицитно выраженным местоимением, согласно различным корпусным исследованиям, составляет от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всех вхождений [Kibrik 1996; Grenoble 2001; Zdorenko 2010; Буденная 2018]. Таким образом, можно видеть, что, хотя в ингерманландском финском языке,

как и в русском, модель с эксплицитно выраженным местоимением является доминирующей (χ -квадрат, p -value < 0,01) — возможностей для опущения местоимения в ингерманландском финском языке существенно больше, чем в русском. Общая дистрибуция, прослеженная по корпусу ингерманландских данных, полностью соответствует модели «на стыке» между русским языком и литературным финским. Ряд частных особенностей, характерных для литературного финского, имеет параллель и в ингерманландском — так, для 3-го лица в обоих идиомах характерен эксплицитно выраженный субъект. Различия между литературным финским, ингерманландским финским и русским языками пролегают главным образом в сфере прономинальных подлежащих 1-го и 2-го лица.

В силу нарративного характера всех исследуемых текстов наибольшее число извлеченных моделей (402 из 524) представляло собой претеритные клаузы. В силу этого все статистически выявленные особенности ингерманландского финского языка касались в первую очередь именно этого типа, а также различных соотношений претеритных клауз с презентными. Было обнаружено, что выбор конкретной прономинальной модели в большей степени зависит от модуса (художественная проза vs устный нарратив), чем от конкретного диалекта. Ниже эти и другие особенности будут рассмотрены более подробно.

4.1. Ингерманландский финский и русский: общие тенденции

В ингерманландском финском — как в художественной прозе, так и в устных нарративах — были выявлены следующие схожие с русским контексты, предопределяющие выбор конкретной субъектной модели (подробнее о них в связи с русским языком см., в частности, [McShane 2009; Madariaga 2018]):

1. При первом упоминании референта, а также при смене топика местоимение преимущественно выражалось эксплицитно (18). Однако в 1-м и 2-м лице периодически встречался эллипсис даже в этом контексте, в силу высокой активации референта в рабочей памяти и общей прагматики ситуации (19)–(20).

- (18) *Mie yrit-i-n riijellä vastaa*
 1SG пытаться-PST-1SG нагрубить.1INF напротив
 ‘Я попытался нагрубить в ответ’ [V. Valjakka, “A hiä vua motkottaa...”].
- (19) *Seiso-i-n siin vähä aika-a*
 стоять-PST-1SG там мало время-PART
 ‘Я стоял там некоторое время’ [P. Mutanen, “Hyvä kello kauvaks kuuluu, raha viel kauvemmaks”].
- (20) *Ol-i-n päivälaise-n*
 быть-PST-1SG поденщик-ESS
 ‘Я занималась поденной работой’ [M. Jakovleva, “Olin päiväläisen”], цитируется по [Mullonen 2004: 218].

2. В разговорно-ответных контекстах в ответных репликах отразилась тенденция к опущению местоимений 1-го и 2-го лица⁹:

- (21) *Nyt uso-n*
теперь верить.PRS-1SG
 ‘Теперь верю’ [V. Valjakka, “Miten Simo hampaat hävitti”].

3. В клаузах с субъектом 3-го лица опущение местоимения изредка встречалось в случае с-командующего antecedента.

- (22) *Kiitos sisare-lko nekkii*
 спасибо сестра-ALL потому что скипидар.PART
anto
 дать.PST.3SG
 ‘Спасибо сестре за то, что дала скипидар’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

В работах по литературному финскому [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016] контексты вида (22) отмечаются как фактически единственные случаи, при которых возможно опущение 3-го лица.

⁹ Контексты 2 и 3 также засвидетельствованы и в разговорном финском языке, однако в выборке основной процент вхождений занимают контексты типа 1.

Однако в нашем корпусе встретилось несколько вхождений с опущением местоимения 3-го лица в независимом предложении, при наличии эксплицитно выраженного антецедента в предыдущей клаузе и в контексте единой сквозной темы фрагмента (23)–(24), а также в конструциях с коррелятивом *ni* (25):

- (23) *Juha-veikko tul' sielt pol'nitsa-st*
 Юха-брат приходить.PST.3SG оттуда больница-EL
poikkee Ø_{pro} Tul' kot't'ii
 прочь Ø_{pro} приходить.PST.3SG домой

‘Юха-брат вернулся оттуда, из больницы. Пришел домой’. [A. Meronen, “Haukkeet käivät”], цитируется по [Mullonen 2004: 223].

- (24) *...ni Juones jo sano Mari-lle —*
 тогда Юонес уже сказать.PST.3SG Мария-ALL
Pane-ha samavara kiehu-ma-a...
 поставить.IMP.2SG-PART самовар кипятить-3INF-ILL
Ø_{pro} itse¹⁰ nous penki-lt
 сам встать.PST.3SG лавка-ABL

‘...Тогда Юонес уже сказал Марии: «Ставь-ка самовар...» Сам [он] встал с лавки’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

- (25) *Hiä ko katso miu-n suu-ta-in,*
 3SG когда смотреть.PST.3SG 1SG-GEN рот-PART-POSS.1SG
ni sano...
 то сказать.PST.3SG

‘Он, когда посмотрел мне в рот, сказал...’ [V. Valjakka, “Hampaankolotus”].

Контексты вида (23)–(25) лицензируют опущение местоимения в русском языке. В силу редкости аналогичных вхождений в ингерманландском финском языке нельзя однозначно сказать, являются ли

¹⁰ В данном примере не исключено дополнительное влияние местоимения *itse* ‘сам’, однако в выборке встретились модели с одновременным присутствием и личного местоимения, и местоимения *itse*, например *a miten sie itse jaksat* ‘А как ты сам поживаешь?’ [V. Valjakka, “Hampaankolotus”].

они калькой с русского или же маркированным контекстно-обусловленным вариантом, теоретически возможным и в литературном финском. Имеющиеся исследования свидетельствуют о возможности подобного опущения в 1-м и 2-м лице [Duvallon, Chalvin 2004: 277]; несколько опрошенных носителей финского языка оценили фразы вида (23)–(25) как сомнительные. А. Хольмберг [Holmberg 2016: 8] утверждает, что нулевой референтный субъект 3-го лица в литературном финском возможен лишь в эхо-подобных ответных репликах и при связывании синтаксически вышестоящим антецедентом. Учитывая это, можно с осторожностью предположить, что редкие вхождения независимых предложений с нулевым субъектом 3-го лица в ингерманландском финском возникли в ходе контактного влияния русского языка, где подобное контекстное опущение возможно.

4.2. Ингерманландский финский: отличительные особенности

Основные отличительные признаки ингерманландской финской субъектной референции отразились в конструкциях с претеритом. Анализ показал, что в этих конструкциях ингерманландский финский язык, по сравнению с русским¹¹, значимо чаще использует модели с опущением субъектного местоимения 1-го лица и 2-го лица в претерите (χ -квадрат, p -value < 0,01). Доминирующей моделью в этих клаузах в ингерманландском финском языке является именно модель с опущением субъекта:

- (26) \emptyset_{pro} *luul-i-n,* *jot hyö tulliiit*
 думать-PST-1SG что 3PL идти.PST.3PL
minnuu löylyttä-mä-ä.
 1SG.PART бить-3INF-ILL

‘Я подумал, что они пошли меня бить’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

¹¹ В качестве русских данных привлекался корпус «Веселые истории из жизни», подготовленный коллективом исследователей под руководством А. А. Кибрика (<http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>).

(27) *O_{pro}* *Kutsu-i-n* *lapse-t* *kokko-o*
звать-PST-1SG ребенок-PL костер-ILL

‘Я позвал ребят [прыгать] в костер’ [P. Mutanen, “Ketä isä rakastaa, sitä hiä myös kurittaa”].

Однако данная особенность ингерманландского финского языка реализуется за счет художественной прозы (см. *Таблицу 6*) — именно данные рассказов В. Вальякки и П. Мутанена демонстрируют существенное преимущество безместоименных претеритных моделей над местоименными. В устных же нарративах никакого подобного приоритета безместоименных моделей нет. По данным *Таблицы 6* можно видеть, что как в восточно-, так и в западно-гатчинском диалекте приоритет моделей с эллипсисом местоимений 1-го и 2-го лица в претерите характерен для художественной прозы — и нехарактерен для устных нарративов. При этом в западно-гатчинских нарративах эллипсис соответствующего местоименного субъекта в целом встречается реже, чем в восточно-гатчинских, однако на данный момент нельзя однозначно утверждать, что это именно особенность диалекта, а не конкретных носителей, принимая во внимание, что данные художественной прозы подобной разницы между диалектами не показывают. В целом можно предположить, что устный модус в сочетании с жанром нарратива в ингерманландском финском языке в большей степени способствует выбору рассказчиком местоименной модели, тогда как художественная проза, вне зависимости от диалекта, больше ориентирована на эллипсис референтного подлежащего 1-го и 2-го лица.

В качестве предварительного объяснения, сопоставляя данные художественной прозы, ориентированной на эллипсис местоимений, и устных нарративов, преимущественно неэллиптических, можно выделить следующие основные параметры, способствующие выбору конкретной модели.

1. Длина предикации: для более коротких предикаций более вероятно опущение субъектного местоимения. Подавляющее большинство клауз с опущенным подлежащим 1-го и 2-го лица содержало не более трех слов и встречалось в большей степени в художественной прозе. Большую развернутость устных предложений

по сравнению с прозаическими текстами можно объяснить дизайном исследования: в отличие от писателей, опрашиваемые носители стремились как можно подробнее изложить исследователям подробности своей жизни, тогда как перед писателями и героями их рассказов такой задачи изначально не стояло.

2. Приоритетность конкретных лексем: большинство эллиптических предикаций в ингерманландской художественной прозе описывают короткие базовые действия, обозначенные глаголами речи и мыслительной деятельности: *sannoo* ‘сказать’, *kyssyy* ‘спрашивать’, *vastata* ‘отвечать’, *luulla*¹², *ajatella* ‘думать, полагать’, см. (28)–(31):

(28) — *Miten se Pekon Anttu ellää?* — *Ø_{pro} kysyin toisilt nuapurloit.*
 ‘Как живет этот Антту, сын Пекко? — **спросил я** у других соседей’ [V. Valjakka, “Ko virka män piähä”].

(29) — *Oletko sie tosissais?*
 — *No, Ø_{pro} sanoin, — tosissain olen.*
 ‘Ты всерьез? — Ну, — **сказал я**, — всерьез’. [P. Mutanen, “Ko alkuu piäsöö, ni männöö”].

(30) — *Oletko sie läsivä?*
 — *Olen terve, Ø_{pro} vastasin joka kerta.*
 ‘Ты болен? — Я здоров, — **отвечал я** каждый раз’ [P. Mutanen, “Ketä isä rakastaa, sitä hiä myös kurittaa”].

(31) *Ø_{pro} Luulin, jot mitälie huonoo on tapahtunt.*
 ‘**Я подумал**, что случилось что-то плохое’ [V. Valjakka, “Luojan kiitos...”].

Можно видеть, что в русском языке в подобных формулах используется, как правило, местоименная модель, тогда как в ингерманландском финском — эллиптическая. Отчасти это можно объяснить тем, что в русском языке в прошедшем времени не сохранилось личной глагольной флексии, в отличие от ингерманландского финского, и опущение подлежащего в подобном контексте может повлечь

¹² Этот глагол встретился только в рассказах В. Вальякки.

референциальный конфликт. Тем не менее данный тезис не объясняет того, почему эллиптическая модель в ингерманландском финском чаще всего используется именно с этими глаголами. Можно предположить, что дополнительным фактором здесь служит большая семантическая бедность этих глаголов в сочетании с их структурирующей ролью в тексте, отчасти объединяющая их с дискурсивными маркерами. Известно, что в русском языке [Grenoble 2001; Zdorenko 2010] некогда полнозначные глаголы, со временем приобретшие семантику дискурсивных маркеров (*знаешь*, *понимаешь*, *видишь*), по умолчанию употребляются без субъектного местоимения. В ингерманландском финском языке эта категория более обширна и распространяется также на базовые глаголы речи и мышления.

3. Прагматика ситуации и/или возможное калькирование: при непосредственном взаимодействии носителя языка с исследователем употребление местоименной модели может выступать как элемент сближения говорящего со слушателем и своего рода маркер вежливости [Фужерон, Брейар 2004: 164]. Данная особенность была выявлена ранее на корпусных данных русского языка [Буденная 2020], и можно полагать ее справедливостью и для ингерманландского финского, учитывая схожий дизайн ситуации.

5. Заключение

В статье была исследована прономинальная референция в отношении субъектов 1-го и 2-го vs 3-го лица в ингерманландском финском языке, в сопоставлении с литературным финским и русским языками. Работа велась с помощью корпусного метода, путем сопоставления художественной прозы с устными нарративами как между собой непосредственно, так и с помощью сравнения данных двух разных диалектов — восточно- (говоры Лииссиля и Венъёки) и западно-гатчинского (говоры Губаниц и Шпанькова). Данные художественных произведений привлекались к научным исследованиям ингерманландского языка впервые.

Анализ выявил следующие характерные черты ингерманландской финской модели:

1. В ингерманландском финском языке доминирующей моделью является модель с эксплицитно выраженным местоимением во всех лицах, что отличает ингерманландский финский язык от литературного финского. При этом ингерманландская модель отличается и от русской, где местоимение опускается значительно реже. Общая ситуация в ингерманландском языке с точки зрения дистрибуции эксплицитно выраженных субъектных местоимений соответствует промежуточной модели на стыке между русским и литературным финским.

2. В ингерманландском финском языке присутствуют определенные особенности, которые могут быть результатом контактного влияния русского языка. Таковыми, в частности, являются контексты с опущением местоимений 3-го лица в независимых предложениях в контексте единой сквозной темы.

3. В ингерманландском финском языке существует группа базовых глаголов речи и мышления с достаточно бедным семантическим содержанием. По функции они приближаются к дискурсивным маркерам, обозначающим прямую речь, и употребляются преимущественно без дополнительного субъектного местоимения — что отличает ингерманландскую ситуацию от русской, где в подобных контекстах местоимение обычно не опускается.

4. Ингерманландские художественные тексты и устные нарративы как восточно-, так и западно-гатчинского диалекта существенным образом различаются в плане дистрибуции субъектных местоимений 1-го и 2-го лица с претеритом. Если в устных нарративах носители преимущественно употребляют местоименную модель, то в художественной прозе — эллиптическую. Данное различие может объясняться общей прагматикой ситуации (местоимения как маркер вежливости, необходимый для корректного взаимодействия со слушателем-исследователем) и исходной задачей (устные предикации носителей обычно более развернутые, по сравнению с предложениями в рассказах П. Вальякки и П. Мутанена).

Наблюдаемая картина позволяет уточнить типологию контактных грамматических явлений [Matras, Sakel 2007] и привлекает данные

нового, малоисследованного языка для дальнейшего дополнения уже известных уральских данных.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 1INF — I инфинитив; 3INF — III инфинитив; ALL — аллатив; EL — элатив; FOC — фокус; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; NEG — отрицательный глагол; PART — партитив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — претерит; PST.PTCP — активное причастие прошедшего времени; Q — вопросительный маркер; SG — единственное число.

Литература

- Буденная 2019 — Е. В. Буденная. Субъектная референция в ижорском и водском языках: из истории одного заимствования // Урало-алтайские исследования. 2019. Т. 4. Вып. 35. С. 36–52.
- Буденная 2020 — Е. В. Буденная. Субъект настоящего времени в устных и письменных нарративах // А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. ВАПрсы языкознания: Мегасборник наностатей. М.: Буки-Веди, 2020. С. 648–653.
- Галахова 1977 — Л. Я. Галахова. Согласные в конце слова в финских говорах Ленинградской области // Вопросы финно-угорской филологии. 1977. Т. 3. С. 16–34.
- Галахова 1990 — Л. Я. Галахова. Личные и временные формы глагола в финских говорах Ленинградской области // Вопросы финно-угорской филологии. 1990. Т. 5. С. 16–34.
- Коппалева 1998 — Ю. Э. Коппалева. Финские говоры Ингерманландии // Э. С. Киуру (отв. ред.). Финны в России: История, культура, судьбы. Сборник статей. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998. С. 88–94.
- Коппалева 2007 — Ю. Э. Коппалева. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007.
- Муслимов 2009 — М. З. Муслимов. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (отв. ред.). Вопросы уральстики. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 179–204.

- Оллыкайнен (сост.) 2003 — В. М. Оллыкайнен (сост.). Словарь северноингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский). (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003.
- Фужерон, Брейар 2004 — И. Фужерон, Ж. Брейар. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // Т. М. Николаева (отв. ред.). Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 147–166.
- Duvallon, Chalvin 2004 — O. Duvallon, A. Chalvin. 2004. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés // *Linguistica Uralica*. 2004. Vol. XL. Iss. 4. P. 270–286. DOI:10.3176/lu.2004.4.04.
- Frascarelli 2007 — M. Frascarelli. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. P. 691–734. DOI: 10.1007/s11049-007-9025-x.
- Grenoble 2001 — L. Grenoble. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian // *Glossos 1*. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys [The structure and development of the Finnish language]. Keuruu: Otavan korkeakoulukirjasto, 1979.
- ISK 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomen kirjallisuuden seura, 2004. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения: 01.11.2024).
- Heinonen 1995 — T. Heinonen. Null Subjects in Finnish: From Either-Or to More-Or-Less. Unpublished manuscript. Research Institute for the Languages of Finland, 1995.
- Helasvuo 2006 — M.-L. Helasvuo. Passive: personal or impersonal? A Finnish perspective // M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). *Grammar from the human perspective: case, space and person in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 233–255. DOI: 10.1075/cilt.277.16hel.
- Holmberg 2005 — A. Holmberg. Is there a little pro? Evidence from Finnish // *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. Iss. 4. P. 533–564. DOI: 10.1162/002438905774464322.
- Holmberg 2016 — A. Holmberg. Null subjects in Finnish and the typology of pro-drop // A. Tamm, A. Vainikka (eds.). *Uralic syntax*. Cambridge: Cambridge University Press (to appear). URL: <https://andersholmberg92428242.files.wordpress.com/2020/04/holmberg-to-appear.-null-subjects-in-finnish-and-the-typology-of-pro-drop.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account // B. A. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 255–304.

- Kibrik 2013 — A. A. Kibrik. Peculiarities and origins of the Russian referential system // D. Bakker, M. Haspelmath (eds.). *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 227–263. DOI: 10.1515/9783110331127.227.
- Kuznetsova et al. 2015 — N. Kuznetsova, E. Markus, M. Muslimov. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // H. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education. Vol. 13: Comparative studies on equality and diversity)*. Berlin: Springer, 2015. P. 127–167. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3_6.
- Madariaga 2018 — N. Madariaga. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian // J. Casalicchio, F. Cognola (eds.). *Null Subjects in Generative Grammar. A synchronic and diachronic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 171–198. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0007.
- Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. The borrowability of grammatical categories // Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74. DOI: 10.1515/9783110199192.31.
- McShane 2009 — M. McShane. Subject ellipsis in Russian and Polish // *Studia Linguistica*. 2009. Vol. 63. Iss. 1. P. 98–132. DOI: 10.1111/j.1467-9582.2008.01155.x.
- Mustonen 1931 — J. Mustonen. *Inkerin suomalaiset saurakunnat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931.
- Rizzi 1986 — L. Rizzi. Null Objects in Italian and the theory of pro // *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 501–557.
- Seo 2001 — S. Seo. The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments. PhD thesis. Bloomington: Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. DOI: 10.1017/CBO9780511812729.
- Vainikka, Levy — A. Vainikka, Y. Levy. Empty subjects in Finnish and Hebrew // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. Vol. 17. P. 613–671.
- Virtaranta 1953 — P. Virtaranta. Näytteitä Inkerin murteista // *Virittäjä*. 1953. Vol. 57. Iss. 3. P. 384–405.
- Zdorenko 2010 — T. Zdorenko. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus // S. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus Linguistics Applications: current studies, new directions*. Amsterdam: Rodopi, 2010. P. 119–133. DOI: 10.1163/9789042028012_009.

Источники

- Mullonen 2004 — M. Mullonen (toim.). Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerin-suomalaisista murteista. Petroskoi: Periodika, 2004.
- Valjakka 1988 — V. Valjakka. Sie vie, a mie vikisen. Huvittavia tositapauksia inkerin murteella // V. Valjakka. Lehdenlähtö. Petroskoi: Periodika, 1988. S. 101–117.
- Mutanen 1989 — P. Mutanen. Niitä näitä inkeriksi // P. Mutanen. Läpi tuskien käy elontie. Petroskoi: Periodika, 1989. S. 125–150.

References

- Budennaya 2019 — E. V. Budennaya. Subyektynaya referentsiya v izhorskom i vodskom yazykakh: iz istorii odnogo zaimstvovaniya [Subject reference in Ingrian and Votic: from the history of one borrowing of pattern]. *Ural-Altai Studies*. 2019. Vol. 4. Iss. 35. P. 36–52.
- Budennaya 2020 — E. V. Budennaya. Subyekt nastoyashchego vremeni v ustnykh i pismennykh narrativakh [The present subject in oral and written narratives]. A. A. Kibrik, X. P. Semionova, D. V. Sitchinava, S. G. Tatevosov, A. Ju. Urmanchieva. *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatey* [VAProsy yazykoznaniya: megacollection of nanopapers]. Moscow: Buki-Vedi, 2020. P. 648–653.
- Duvallon, Chalvin 2004 — O. Duvallon, A. Chalvin. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés. *Linguistica Uralica*. 2004. Vol. XL. Iss. 4. P. 270–286. DOI:10.3176/lu.2004.4.04.
- Frascarelli 2007 — M. Frascarelli. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. P. 691–734. DOI: 10.1007/s11049-007-9025-x.
- Fougeron, Breuillard 2004 — I. Fougeron, J. Breuillard. Mestoimenie “ya” I postroenie diskursivnykh svyazey v sovremennom russskom yazyke [The pronoun “ja” and the construction of discourse links in Modern Russian]. T. M. Nikolaeva (ed.). *Verbalnaya i neverbalnaya opory prostranstva mezhfrazovykh svyazey* [Verbal and nonverbal support of interphrase connections]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 147–166.
- Galakhova 1977 — L. Ja. Galakhova. Soglasnyye v kontse slova v finskikh govorkakh Leningradskoy oblasti [End consonants at the end of words in Finnish dialects of the Leningrad Region]. *Voprosy finno-ugorskoj filologii*. 1977. Vol. 3. P. 16–34.

- Galakhova 1990 — L. Ja. Galakhova. Lichnyye i vremennyye formy glagola v finskikh govorkakh Leningradskoy oblasti [Personal and tense forms of the verb in Finnish dialects of the Leningrad Region]. *Voprosy finno-ugorskoj filologii*. 1990. Vol. 5. P. 16–34.
- Grenoble 2001 — L. Grenoble. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. *Glossos 1*. 2001. Available at: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf> (accessed on 1.11.2024).
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. *Suomen kielen rakenne ja kehitys* [The structure and development of the Finnish language]. Keuruu: Otavan korkeakoulukirjasto, 1979.
- ISK 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomen kirjallisuuden seura, 2004. Available at: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed on 1.11.2024).
- Heinonen 1995 — T. Heinonen. *Null Subjects in Finnish: From Either-Or to More-Or-Less*. Unpublished manuscript. Research Institute for the Languages of Finland, 1995.
- Helasvuo 2006 — M.-L. Helasvuo. Passive: personal or impersonal? A Finnish perspective. M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). *Grammar from the human perspective: case, space and person in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 233–255. DOI: 10.1075/cilt.277.16hel.
- Holmberg 2005 — A. Holmberg. Is there a little pro? Evidence from Finnish. *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. Iss. 4. P. 533–564. DOI: 10.1162/002438905774464322.
- Holmberg 2016 — A. Holmberg. Null subjects in Finnish and the typology of pro-drop. A. Tamm, A. Vainikka (eds.). *Uralic syntax*. Oxford: Oxford University Press (to appear). Available at: <https://andersholmberg92428242.files.wordpress.com/2020/04/holmberg-to-appear.-null-subjects-in-finnish-and-the-typology-of-pro-drop.pdf> (accessed on 1.11.2024).
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account. B. A. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 255–304.
- Kibrik 2013 — A. A. Kibrik. Peculiarities and origins of the Russian referential system. D. Bakker, M. Haspelmath (eds.). *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 227–263. DOI: 10.1515/9783110331127.227.
- Koppaleva 1998 — Yu. E. Koppaleva. Finskie govory Ingermanlandii [Finnish subdialects in Ingria]. *Finny v Rossii: Istorija, kultura, sudby* [Finns in Russia: History, culture, fate]. Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk University, 1998. P. 88–94.
- Koppaleva 2007 — Yu. E. Koppaleva. *Finskaya narodnaya leksika flory (stanovlenie i funkcionirovanie)* [Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning)].

- Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2007.
- Kuznetsova et al. 2015 — N. Kuznetsova, E. Markus, M. Muslimov. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background. H. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union*. (Multilingual Education. Vol. 13: Comparative studies on equality and diversity.) Berlin: Springer, 2015. P. 127–167. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3_6.
- Madariaga 2018 — N. Madariaga. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian. J. Casalicchio, F. Cognola (eds.). *Null Subjects in Generative Grammar. A synchronic and diachronic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 171–198. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0007.
- Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. The borrowability of grammatical categories. Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74. DOI: 10.1515/9783110199192.31.
- McShane 2009 — McShane. Subject ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*. 2009. Vol. 63. Iss. 1 (Special Issue on Partial Pro-Drop). P. 98–132. DOI: 10.1111/j.1467-9582.2008.01155.x.
- Muslimov 2009 — M. Z. Muslimov. K klassifikatsii finskikh dialektov Ingermanlandii [On the classification of Finnish dialects of Ingria]. S. A. Myznikov (ed.). *Vo-prosy uralistiki 2009. Nauchnyy almanakh* [Topics in Uralistics 2009. Almanac]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 179–204.
- Mustonen 1931 — J. Mustonen. *Inkerin suomalaiset saurakunnat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931.
- Ollikainen 2003 — V. M. Ollikainen (comp.). *Slovar severno-ingermanlandskikh gov-oro v finskogo yazyka (govory vuole i koltushskiy)* [Dictionary of North Ingrian Finnish varieties (Vuole and Koltushi varieties)]. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; Institute of Language and Literature of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Press, 2003.
- Rizzi 1986 — L. Rizzi. Null Objects in Italian and the theory of pro. *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 501–557.
- Seo 2001 — S. Seo. *The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments*. PhD thesis. Bloomington: Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. DOI: 10.1017/CBO9780511812729.
- Vainikka, Levy 1999 — A. Vainikka, Y. Levy. Empty subjects in Finnish and Hebrew. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. Vol. 17. P. 613–671.

- Virtaranta 1953 — P. Virtaranta. Näytteitä Inkerin murteista. *Virttäjä*. 1953. Vol. 57. Iss. 3. P. 384–405
- Zdorenko 2010 — T. Zdorenko. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus. S. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus Linguistics Applications: current studies, new directions*. Amsterdam: Rodopi, 2010. P. 119–133. DOI: 10.1163/9789042028012_009.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 20.05.2024